

Гу Юй принес лекарственные травы, ускоряющие заживление ран. Цинь Юйчжэн велел приготовить бочку с теплой водой, подхватил Цзин Мо на руки и бережно опустил в воду, настоящую на целебных отварах.

— Лечебная ванна поможет тебе быстрее встать на ноги, — сказал Цинь Юйчжэн, поддерживая Цзин Мо, чтобы тот мог ровно сидеть в бочке.

На лбу Цзин Мо быстро выступили капли пота. Его нежная, бледная кожа была покрыта кровавыми полосами, и при одном взгляде на это сердце сжималось от жалости. Совсем еще юный, он за несколько дней перенес столько страданий, хотя, по сути, не совершил никакого проступка.

Цинь Юйчжэн взял мягкое белое полотенце и стал понемногу обтирать тело Цзин Мо, смывая запекшуюся кровь. Цзин Мо крепко зажмурился, непроизвольно прикусив губу и тихо протонав от боли. Цинь Юйчжэн наклонился, замер на мгновение и поцеловал мальчишку в лоб.

Если я его поцелую, ему станет хоть немного менее больно?

Лишь когда вода остыла и окрасилась в темно-красный цвет, Цинь Юйчжэн вынул из бочки обнаженного, измученного юношу. Он осторожно уложил его на кушетку, достал мазь и тщательно смазал все тело. Глядя на беспомощное тело любимого человека, Цинь Юйчжэн был вынужден собрать всю свою волю в кулак, чтобы убедить себя не превращаться в зверя.

— Господин, Жо Чжу просит аудиенции, — раздался голос у входа в покои. Жо Чжу тихо ждала, прижимая к груди какой-то узел.

— Входи, — ответил Цинь Юйчжэн, укрывая Цзин Мо одеялом.

— Господин, это вещи Теневого стража Цзин Мо, которые вы приказали забрать из Павильона Слышающего Дождя, — Жо Чжу опустилась на колени и доложила.

Цинь Юйчжэн поднялся, принял узел и нахмурился.

— И это всё?

Жо Чжу утвердительно кивнула:

— Я спрашивала других стражей, у них действительно больше ничего не осталось.

— Хорошо, ступай. Распорядись на кухне, чтобы приготовили легкоусвояемую кашу.

— Слушаюсь, господин. — Жо Чжу поклонилась и вышла.

Цинь Юйчжэн развернул сверток из черной ткани. Внутри оказались две тонкие формы Теневого стража и одна чуть плотнее — все они были в лохмотьях, ни одной целой вещи. Сердце Цинь Юйчжэна невольно сжалось от острой боли при мысли о том, как жил этот мальчишка.

Пошарив в глубине свертка, он обнаружил нижнюю рубаху — явно не по размеру, — несколько мелких серебряных монет, а в плотной шерстяной ткани — завернутые нефритовую подвеску и белую фарфоровую ложку.

Одежда показалась ему знакомой: должно быть, это то, во что он сам нарядил мальчишку позавчера. Цзин Мо берег эти вещи как зеницу ока. Этот малыш никогда не тратил деньги попусту, так откуда у него могли взяться эти гроши? Неужели он так плохо обращался со своими стражами?

Нефритовая подвеска была цела и невредима, ее поверхность оставалась гладкой — хозяин явно оберегал ее. А ложка? О, об этом стоит расспросить мальчишку, когда он придет в себя.

Цинь Юйчжэн аккуратно сложил вещи и убрал их в черный деревянный шкаф.

Цзин Мо спал тяжелым, беспмятным сном, а Цинь Юйчжэн сидел у его изголовья, не отходя ни на шаг. Когда наступила ночь, он немного подумал, снял верхние одежды, лег на кровать и, не раздумывая, пристроился рядом с Цзин Мо. На губах Цинь Юйчжэна заиграла слабая улыбка, и он спокойно уснул.

Ночью у Цзин Мо поднялся жар. Цинь Юйчжэн проснулся от исходящего от него зноя и в панике вскочил проверить состояние юноши. Пришлось вызывать Гу Юя из Долины Лекарств, варить отвары, кормить с ложечки, а чтобы он не оставался голодным — давать понемногу рисовой каши. Лишь к рассвету жар наконец спал.

Цинь Юйчжэн тяжело вздохнул, с досадой глядя на крепко спящего мальчишку, и, обессиленный, притянул его к себе, словно подушку.

На рассвете Цзин Мо проснулся. Сознание возвращалось медленно, и первое, что он ощутил, — это невыносимый жар, словно рядом с ним находилась печь. Повернув голову, он увидел лицо своего господина — его резкие, мужественные черты были совсем близко. Цзин Мо застыл в оцепенении.

Цинь Юйчжэн, промучившийся всю ночь, спал глубоким сном. Цзин Мо, зажатый в его объятиях, застыл с каменным лицом, хотя внутри у него все рыдало. Как он снова оказался здесь, в покоях господина?

Он лежал на спине, глядя в потолок, и пытался выудить из уголков памяти воспоминания о вчерашнем дне. Господин снова спас его... Нос Цзин Мо защипало, в горле встал ком, а глаза медленно налились краснотой.

Цинь Юйчжэн проснулся, медленно открыл глаза и, потирая уставшие виски, повернул голову. Увидев покрасневшие глаза мальчишки, он не удержался от насмешки:

— Чего ревешь? Разве ты в убытке оттого, что поспал со мной?

Цзин Мо вздрогнул, подавил вырывающиеся эмоции и растерянно переспросил:

— А?

Его тон был настолько глупым и наивным, что под насмешливым взглядом Цинь Юйчжэна он моментально залился краской.

— Нет, господин, нет... Я не плачу... И я вовсе не в убытке...

Цинь Юйчжэн, подперев голову рукой, с интересом наблюдал за ним. Цзин Мо был настолько слаб, что не мог даже попытаться сбежать, поэтому просто отвел взгляд в сторону — он не смел смотреть на лицо господина, о котором мечтал каждую ночь. Это было слишком сильное потрясение.

Натешившись, Цинь Юйчжэн поцеловал Цзин Мо в щеку, сел на кровати и начал одеваться. Цзин Мо остался лежать, пребывая в полном смятении. Кажется, господин больше не питает к нему такой ненависти... — подумал он про себя.

— С этого дня будешь моим стражем, что греет постель. Лежи смирно и отдыхай, пока я не вернусь, — сказал Цинь Юйчжэн, стоя у кровати. В его голосе не было и тени шуток.

Цзин Мо тупо смотрел на него, а затем, под нетерпеливым взглядом господина, тихо пробормотал:

— Слушаюсь.

Цинь Юйчжэн улыбнулся:

— Скоро тебе принесут еду. Ешь как следует.

Цзин Мо широко распахнул глаза и хрипло ответил:

— Слушаюсь, господин.

Сегодня во Дворце Цюньхуа проходило общее собрание. Быстро перекусив, Цинь Юйчжэн отправился во Дворец Фуяо. Там уже собрались все главы трех дворцов, двух павильонов, одной долины и одного зала, а также все старейшины и старшие Теневые стражи.

Цинь Юйчжэн в черном халате с золотым узором восседал на главном месте. Его холодный, равнодушный взгляд скользил по собравшимся. В прошлой жизни почти все они предали его, выбрав других хозяев. Победителей не судят — Цинь Юйчжэн признавал свое поражение и не видел в этом ничего странного, такова человеческая натура. Но теперь он хотел, чтобы все они подчинились ему добровольно.

— Я созвал это экстренное собрание, чтобы обсудить несколько важных вопросов.

Люди в зале стояли на коленях, склонив головы в знак почтения. Цинь Юйчжэн видел это, но не спешил даровать им прощение.

— Во-первых, вы, должно быть, уже слышали слухи, распolzшиеся по миру боевых искусств. Приказ на убийство Ци Мулань отозван. В ближайшие дни об этом узнают все.

Собравшиеся заволновались. Цинь Юйчжэн сурово оглядел зал, его пронзительный взгляд не упускал ни одной детали.

— Последствия отзыва приказа я возьму на себя. Я созову во Дворце Цюньхуа собрание, приглашу мастеров боевых искусств, чтобы они стали свидетелями моего наказания. Я дам ответ Дворцу Цюньхуа, моим собратьям по оружию и моему отцу.

По залу пронесся едва слышный, но дружный вздох. Цинь Юйчжэн усмехнулся, его взгляд оставался холодным.

— Это первое. Если кто-то не согласен — что ж, я знаю, что здесь много старых подчиненных моего отца, которые годами, следуя за Янь Гу, творили в стенах дворца что хотели. Я смотрел на это сквозь пальцы, но не стоит испытывать мое терпение. Если кому-то нейдет — добро пожаловать в водную тюрьму Павильона Слушающего Дождя, посмотрите на участь Янь Гу. Спрашивать меня не нужно, я уже дал добро.

Волнение в зале стихло. Янь Гу, старый слуга, десятилетиями сражавшийся вместе с прежним главой дворца, теперь гнил в водной тюрьме по воле его сына. Нынешний Цинь Юйчжэн обладал непостижимой внутренней силой, и никто не осмеливался бросить ему вызов — дураков не было.

Увидев, что возражений нет, Цинь Юйчжэн холодно усмехнулся и продолжил:

— Второе. Каким путем пойдет Дворец Цюньхуа в будущем?

По залу вновь поползли шепотки. Цинь Юйчжэн взмахнул рукой и с притворной вежливостью произнес:

— Поднимайтесь, дядюшки. Я так увлекся мыслями, что совсем забыл, что вы все еще на коленях.

Люди переглянулись, встали, разминая затекшие спины, и, несмотря на всю спесь и высокомерие господина, не посмели возразить, дружно поблагодарив его.

Цинь Юйчжэн рассмеялся:

— Это моя вина, не стойте на церемониях. Дворец Цюньхуа объявляет: отныне на выполнение заказов на убийство будет строгий лимит — не более трех в год, и только после тщательной проверки цели. Мы больше не будем жить убийствами, а станем информационной организацией. Павильон Слушания Ветра будет расширен. Детали обсудим позже. Тот, кто обратится к нам, должен быть готов заплатить любую цену. Есть ли возражения?

Гу Юй, Хэ Фэн, Ду Хо — у этих вопросов не возникло. Ближние стражи Ци Фэн, Мо Цзю, Юй Хэ и Му Нань также почтительно склонили головы. Хай Ци и Мо Чэнь, старейшины из старой гвардии, были ошеломлены такими переменами.

Цинь Юйчжэн лишь улыбнулся. Все, что нужно, было сказано, а у кого остались вопросы — пусть приходят лично.

— И третье. Пришло время свести кое-какие счета.

Хай Ци вздрогнул, почувствовав недоброе предчувствие.

— Хай Ци? Что я говорил тебе недавно? Самовольство и вред моим людям... Как мне тебя наказать? — взгляд Цинь Юйчжэна, полный давления, устремился на него.

Хай Ци понял, что его используют как пример для остальных. Лучше признаться сразу, тогда, возможно, он выживет.

— Господин, я превысил полномочия. Прошу наказать меня тремя сотнями ударов кнутом. Достаточно ли этого?

Хай Ци опустился на колени, демонстрируя полное раскаяние. Цинь Юйчжэн холодно кивнул. Хай Ци с облегчением выдохнул, обливаясь холодным потом. Остальные поняли: отныне никто не смеет вмешиваться в дела тех, кто находится рядом с господином.

— Господа, мой отец давно скончался. Теперь я глава Дворца Цюньхуа. Вы можете стать моими верными помощниками, как были ими для моего отца, и я не останусь в долгу. Все мои действия направлены на то, чтобы Дворец Цюньхуа вечно стоял на вершине мира боевых искусств. Это мой дом, и ваш тоже. Только сплотившись, мы сможем идти дальше. Разве не так?

Никто не посмел возразить, все дружно подтвердили его слова.

— Приказ обнародован. Павильоны Слушания Ветра по всей стране немедленно распространят эту новость. Этот мир слишком долго пребывал в покое, пора его встряхнуть.

Цинь Юйчжэн поднялся со своего места. В черном халате с золотым узором, с низким, властным голосом, он внушал трепет. Сказав все, что нужно, он, не оглядываясь, покинул Дворец Фуюа.

Тем временем Цзин Мо в белой рубашке сидел за маленьким столиком, доедая принесенную Жо Чжу еду. Уходя, служанка строго предупредила его, что господин велел съесть всё до последней крошки, иначе последует суровое наказание. Цзин Мо замер, подумав: неужели господин и правда накажет его? Или снова сделает то, что в прошлый раз?.. При этой мысли его уши подозрительно покраснели.

Он был послушным: сказано съесть — значит, надо съесть. Цзин Мо старательно запихивал в себя еду, пока не почувствовал, что вот-вот лопнет.

От нечего делать он решил прогуляться, чтобы растрясти обед. Дворец Линсяо был огромен. Во дворе росло много сливовых деревьев, которые даже в холодную зиму гордо тянулись вверх, не сгибаясь под тяжестью снега. Одетый слишком легко, Цзин Мо быстро замерз и начал растирать руки, пытаясь согреться.

О господине он не мог сказать многого. На самом деле, он не хотел ничего скрывать, но старый глава дворца предупредил: если господин вспомнит правду, он станет уязвимым, а уязвимый глава не сможет управлять дворцом. Правда погубит господина.

Цзин Мо вздрогнул, подавляя в себе надежду и укрепляя колеблющуюся решимость. Господин силен, он должен стоять на вершине горы, у него не должно быть слабых мест.

— Так мало одет, хочешь замерзнуть до смерти?

Цинь Юйчжэн снял с себя лисью шубу и накинул на плечи Цзин Мо.

— Господин! Вы вернулись! — глаза Цзин Мо засияли.

Цинь Юйчжэн нахмурился, глядя на непослушного стража. Цзин Мо, чувствуя вину, послушно

закутался в шубу, и господин проводил его в покои, где уже пылал уголь. Внутренняя сила Цзин Мо еще не восстановилась, тело было изранено, и он даже не почувствовал, как кто-то подошел — впрочем, Цинь Юйчжэн сделал это намеренно.

— Ложись в кровать. Ты должен понимать, что от тебя требуется?

Цинь Юйчжэн говорил так серьезно, что Цзин Мо, испугавшись, нырнул под одеяло и принялся согревать холодную постель своим теплом.

Цзин Мо: «...»

— Господин, я виноват, не сердитесь...

Цинь Юйчжэн плотно подвернул края одеяла, чтобы тепло не уходило.

— Ты умеешь только жалобно выпрашивать прощение. Ты уверен, что мое сердце дрогнет?

Цзин Мо спрятал руки под одеяло и широко распахнутыми глазами посмотрел на него:

— Я не выпрашиваю...

— Хм. — Цинь Юйчжэн холодно усмехнулся. Цзин Мо втянул голову в плечи, не смея смотреть в ответ.

В тот момент, когда Цзин Мо не видел, на губах Цинь Юйчжэна играла лукавая улыбка.

— Поел? — Цинь Юйчжэн увидел пустые тарелки на столе, но все равно спросил. Он сунул руку под одеяло, пытаясь нащупать округлившийся живот мальчишки.

— Поел, господин, ничего не оставил. — Цзин Мо попытался отползти вглубь, но его схватили за тонкую талию, и он мгновенно обмяк.

— М-м...

— Будешь слушаться? — Цинь Юйчжэн погладил его за талию, намеренно щекоча.

Цзин Мо закивал, как заведенный, его глаза светились доверием и преданностью. Он терпел щекотку, позволяя господину делать с ним что угодно. Цинь Юйчжэну стало больно от такого взгляда. Как он мог заставить человека так искренне отдать ему свое сердце?

— Хорошо, если будешь слушаться, я тебя не обижу, — Цинь Юйчжэн убрал руку.

Цзин Мо просиял:

— Да!

— Цзин Мо, ответь мне: если кто-то скажет тебе что-то дурное обо мне, что ты сделаешь?

Цзин Мо попытался сесть, чтобы ответить серьезно, но его прижали обратно. Ему пришлось отвечать, лежа на боку и не отрывая взгляда от господина.

— Господин, я верю только вашим словам. Остальных я слушать не буду.

Пустота в сердце Цинь Юйчжэна мгновенно заполнилась. Так странно и просто — получить такое удовлетворение. Взгляд Цзин Мо был чист, без единой примеси. Цинь Юйчжэн был уверен: в этой жизни он уже никогда не сможет отпустить этого малыша.

Эмоции захлестнули его. Цинь Юйчжэн отвернулся, чтобы успокоиться, и притворно строго спросил:

— Еще вопрос. Ты воровал у меня вещи?

Зрачки Цзин Мо расширились. Он почувствовал вину, опустил веки и забормотал:

— Я... я... нет... я не воровал ваши вещи.

— О? А если я узнаю, как мне наказать этого наглого воришку?

Цинь Юйчжэн задал этот вопрос с явным злым умыслом. Кончики ушей Цзин Мо покраснели, он ответил неуверенно:

— Отправить в Зал наказаний и судить по закону о воровстве.

Цинь Юйчжэн кивнул, словно подтверждая его слова. Цзин Мо украдкой взглянул на него, недоумевая: господин что-то потерял?

Цинь Юйчжэн встал, подошел к шкафу и что-то взял. Цзин Мо замер, с любопытством глядя на него, пока не увидел в руках господина белую фарфоровую ложку.

Цзин Мо остолбенел. Откуда у господина эта ложка?!



Глаза Цинь Юйчжэна светились торжеством. Цзин Мо почувствовал себя донельзя виноватым и решил стоять на своем до конца. Он был уверен, что господин сделал это специально... чтобы выставить его на посмешище.

Подумаешь, украл ложку, которой господин пользовался за едой! На кухне их полно, старшая служанка даже не заметила пропажи... А господин прицепился именно к нему...

Цзин Мо вцепился в края одеяла, пытаясь спрятать лицо. Цинь Юйчжэн подошел и вложил маленькую ложку в прохладную ладонь Цзин Мо, жестом призывая к объяснениям.

Цзин Мо не оставалось ничего, кроме как, краснея от стыда, шаг за шагом рассказывать, как он подкараулил момент, прокрался на кухню, как, пока никто не видит, вытащил ложку из груды грязной посуды, принесенной из Дворца Линсяо, и спрятал ее, оберегая как сокровище, словно какой-то извращенец.

Цинь Юйчжэн слушал с таким удовольствием, что решил пропустить обед — он был сыт по горло. Видя, что господин в хорошем настроении, Цзин Мо перестал так сильно смущаться.

<http://bllate.org/book/20927/2118361>